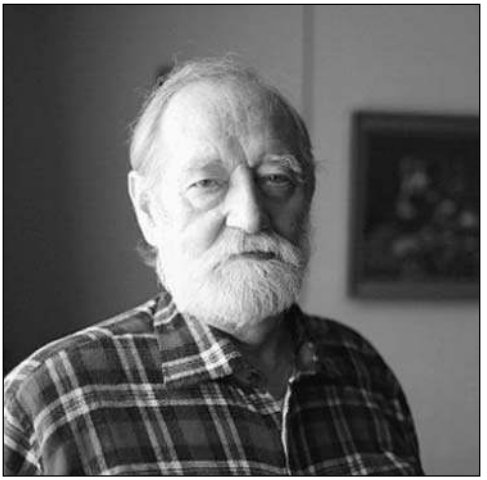
Как-то, в бытность моего обучения в Литературном институте имени А.М. Горького, один, скажем так, интересный преподаватель, проводя семинар литературного мастерства, с сожалением заметил, что, мол, ничего достойного в современной отечественной литературе ныне не наблюдается. А далее с мармеладной улыбкой добавил, что с западноевропейской литературой в данном смысле, слава Богу, все в порядке!

Прошло три года, и когда-то прозвучавший приговор стал, пожалуй, основной причиной моего ухода из упомянутого заведения. Ведь как я мог внимать подобным вердиктам педагогов-мастеров, если мой, тогда здравствующий во всех смыслах отец — русский писатель Иван Иванович Евсеенко, из года в год предлагал российскому читателю все новые и новые произведения. И как показывает время, произведения, достойные как высокого звания русского писателя, так и не менее почетного звания русского читателя. К тому же произведения, оцененные критикой, общественностью, нередко становящиеся материалом для конкурсных работ современных литераторов. Не так давно аспирантка Воронежского государственного университета Марина Краснякова заняла третье место литературной премии «Кольцовский край» за статью «Русская душа в прозе Ивана Евсеенко». И это не единственный случай.

Кстати, студенты, учившиеся со мной в то время, также проявляли явное малодушие к современному отечественному литпроцессу, считая, что сегодня нужно читать не Лихоносова с Распутиным и Беловым, а, скажем, Мураками и Анну Гавальда.

Поначалу я рассуждал так, ну, наверное, эти молодые люди (хотя им было уже лет по двадцать пять) в свое время досконально изучили отечественную классику, как раннюю, так и позднюю, и теперь таким же углубленным образом изучают зарубежную. Но мои выводы, как выяснилось, были величайшей иллюзией. Ничего они толком не читали, а при вопросе: «Кто такой, к примеру, Федор Абрамов?» недоуменно закатывали глаза. Самые же смелые отвечали так, что Толстой и Тургенев — это очень хорошо, так же, как Шукшин с Рубцовым, но они никуда не денутся и навсегда останутся русской классикой, а вот за современным литературным



Иван Иванович Евсеенко

процессом Европы надобно следить пристально, дабы не пропустить что-нибудь значимое и интересное.

Вообще, следует разобраться с тем, что же так привлекает нашу молодежь в новейшей зарубежной европейской литературе и культуре в целом? Мне, как человеку многим в свое время искушенному, кажется, что влечет ее, прежде всего, либеральный фон. И этот фон по сути своей заключается в том, что если, скажем, в произведении описывается какая-либо локальная война, то главным в ее описании становится не борьба нации за независимость, а сомнительно звучащее право личности относиться к этой войне как хочется. То есть, черт с ним, с патриотизмом, и с тем, что государство, в котором ты родился и вырос, станет зависимым от другой, более наглой державы. Главное, что тот режим, который она навяжет, тебе вдруг может оказаться по душе. И пусть это не типично для человеческого восприятия, но ведь так тоже случается! Человек ведь по сути своей свободен и вправе думать, как заблагорассудится! Почему бы и нет?

Или же другое... Если в произведении зарубежного автора описываются некие отношения между мужчиной и женщиной, в простонародье называемые любовью, то обязательно возникает какое-либо психопатологическое препятствие, исходящие от одного из партнеров — героев сюжета. Например, Он — оказывается латентным гомосексуалистом или же Она — активной лесбиянкой, или же Он — тайный кокаинист, а Она — отчаянно собирает грибы по ночам. И, конечно же, подобный расклад манит молодого читателя своей неприкрытой эпатажностью! Это ведь так интересно и сложно: Джон любит Стеллу, а Стелла любит Помеллу, которая вздыхает по Гарри, который еженощно вдыхает клей! Конфликт, как-никак, что и говорить!

Но ладно бы этот либеральный фон одурманивал и привлекал обычного читателя, так сказать, обывателя, что простительно! Но он влечет, как я написал выше, человека, обремененного идеей писательства. Тут можно рассуждать бесконечно, но суть в том, что даже студенты Литинститута (не все, конечно, есть вполне приличные) на поверку всего лишь обычные читатели-обыватели, неумело прикрывающиеся маской интеллектуальности. И, конечно же, они не читали толком русской классики, современной в том числе. Не вникали в нее! В лучшем случае прочитывали, от скуки страдая, в школе. Потому как, если бы читали, то и интересовало бы их в литературе другое, а именно: жизнь своего соотечественника, современника, его тяготы и проблемы! А их интересует жизнь, к которой они не имеют никакого отношения, которую они толком не знают. Которую видели в кино или сквозь розовые очки, будучи в туристических поездках. И потому манит она их поверхностно, как запретный плод Адама, как фольга ворону!

Кстати, если кто-то вдруг решил, что моя статья — хула на Литинститут, сильно ошибается. Преподаватели, работающие в нем — профессионалы экстра-класса! Беда лишь в том, что школьные педагоги не всегда этим отличаются. А ведь они в первой очереди призванных воспитывать подрастающее поколение, а нежный возраст их подопечных — архиважен!

Но вернемся к писателю Ивану Ивановичу Евсеенко, который, кстати, тоже учился в Литинституте и которому в августе 2018 года исполнилось бы семьдесят пять лет.

Неужели моего отца и таких, как он, нельзя считать современными писателями? Или как мне поведала одна моя сокурсница, что он (мой отец), мол, жил в другое время, советское время, и соответственно его литература об этом, а о современной жизни писать ему не с руки!

Но, как это ни странно, мой отец жил именно в наше время, и я это подчеркиваю, и так же своими глазами видел все происходящее. И чем его глаза, позвольте спросить, отличаются от глаз современной, стремящейся к писательству молодежи? Думаю, лишь тем, что он, благодаря недюжинному опыту, без труда отличал истинность некоторых жизненных процессов от ложных. И здесь страшно себе представить, чтобы он мог вдруг себе позволить написать какую-либо заигрывающую с читателем лабуду, где нетипичные для человека психические патологии легли бы в основу повествования! Кстати, что касается произведений Ивана Евсеенко о современной России, то у него есть замечательный цикл рассказов «Трагедии нашего времени», где на примерах судеб соотечественников показан во всей «красе» тот жутковатый период середины и конца девяностых.

Да и что за странная оценка творческой личности по возрасту?! Вспомним хотя бы Л.Н. Толстого. Неужели он к началу двадцатого века уже не считался современным писателем? По мне, так он величайший писатель современности!

Проблема в другом! Что такое современный писатель сегодня! Кого считать таковым и какими качествами он должен обладать?

Мой отец, так мне всегда казалось, стал писателем не благодаря, а вопреки...

Рожденный в глухой украинской деревне, рано испытавший тяготы и лишения послевоенного детства, он в полной мере ощутил на себе важные исторические вехи государства.

Это его поколение детей войны собственными глазами видело рано поседевших послевоенных вдов, поднимавших и своих, и чужих детей!

Это его поколение едва сдерживало слезы, глядя на искалеченных недавней войной русских солдат, умирающих от пьянства под покосившимися заборами продмагов и рюмочных.

Это он десятилетним мальчишкой искренне плакал, узнав о смерти Сталина!

Это он был свидетелем людских судов над бывшими полицаями, до которых неизвестно откуда долетала пуля возмездия.

И именно такие, порой страшные, знания и делают литератора настоящим. И знания эти важны и полезны в любой исторический отрезок, а уж сегодня — тем более!

Человек пишущий — это особое право, особая стезя, которые нужно заработать, заслужить! Заслужить своей жизнью, внимательным всматриванием в нее! Писатель, не знающий истории (как истории страны, так и истории литературы) или знающий о ней понаслышке, вовсе не писатель, а любитель. И, конечно же, только человек, ясно понимающий прошлое, может оценивать и писать о настоящем, а может быть, и предвосхищать будущее!

И все это, не считая личных душевных и физических испытаний, которые тоже зачастую становятся важной составляющей творческой единицы!

Уже в двадцать шесть лет мой отец столкнулся с неизлечимой болезнью глаз, которая заключалась в мгновенно возникающей усталости при малейшем фиксировании внимания на чем-либо. В случае писателя — на листе бумаге. Все мое детство прошло на фоне суеты, связанной с поиском лекарства от этой отцовской хвори. Но ничто не приносило облегчения. Многочисленные поездки по врачам — в институт Федорова, Гельмгольца — ничего не давали. Каких только лекарств и методов лечения мой отец не испробовал на себе?! И если по-чест-

ному, с такой болезнью желать быть человеком пишущим вообще странно! Но отец писал, и делал это ежедневно и донельзя прилежно. Более двух часов его глаза не выдерживали. Он часто сетовал, что из-за усталости глаз не может не только писать, сколько душа велит, но и читать. В том же Литинституте из-за болезни ему в свое время не удалось подробно изучить предметы и дисциплины, которые там преподавались, прочитать и перечитать то, что так хотелось и было столь необходимо в профессии литератора. Поэтому он и сочинял понемногу, а после отправлялся в редакцию журнала «Подъём», где вынужден был прочитывать много как хорошего, так и не очень.

Отчетливо помню чуть праздный разговор в столовой коктебельского Дома творчества, происходящий между двумя тогда еще молодыми литераторами: критиком Владимиром Бондаренко и прозаиком Иваном Евсеенко.

Отец в присущей ему шутливой форме сетовал на то, что не в состоянии работать с текстом более двух часов в день, а Бондаренко, как сейчас помню, поедая овсяную кашу, довольно отвечал, что, мол, да, Ваня, беда, и что он за два часа только разогреться успевает и пишет ежедневно часов по шесть.

Мне было жаль отца, до того жаль, что когда он не писал, а просто что-то делал по хозяйству: на даче или в квартире, я в тайне радовался за него, а именно за то, что его глаза в это время отдыхают.

Помню, как я с ужасом воспринял его слова о том, что с выходом на пенсию он будет работать в две смены. Сложно было представить, как физически он это собирается делать. По рассказам матери, писал отец почти вслепую, почти не глядя ни на бумажный лист, ни на монитор компьютера. Но, тем не менее, за первое десятилетие двадцать первого века вышло в свет более дюжины его довольно крупных повестей. Многие из них были по достоинству оценены. Так в 2009 году им получена премия имени В.М. Шукшина, а в 2013 году — премия «Прохоровское поле».

Но вскоре случилось непредвиденное, на фоне чего прежняя слабость глаз, сопровождавшая его более сорока лет, показалась почти пустяком. Отец тяжело и неизлечимо заболел. Заболел той самой напастью, которая сегодня так часто обсуждается в телевизионных программах и которая за последние несколько лет унесла жизни многих талантливых людей. Эта болезнь не то что не подразумевала писательской деятельности, но и делала обычную жизнь нестерпимой мукой. Но и в этом состоянии отец прилежно продолжал свое дело, рассуждая примерно так: «Николай Островский писал слепым и парализованным, значит, и я смогу!»

Его последний, нигде не опубликованный рассказ был написан печатными буквами шариковой ручкой более чем на ста страницах, и закончен за несколько месяцев до смерти. Уже будучи совсем плохом в состоянии, отец ежедневно делал некоторые дополнения к написанному, а за несколько недель до смерти попросил написать название рассказа на руке... Видимо, именно так, а не иначе живут и умирают настоящие русские писатели!

А нам остается смотреть на них и учиться мужеству и верности выбранному делу!

Иван ЕВСЕЕНКО (младший)